

продолжала работу над своим дневником и мемуарами. А 28 сентября он скончался.

Его смерть не могла не потрясти Павлову: Толстой был единственным русским писателем, с которым она поддерживала регулярную связь. На ее литературном небосклоне погасла последняя звезда. Она доживала свои дни в одиночестве, забвении и нищете. Ее бывший муж Николай Филиппович давно расстался с ней и женился на своей давней любовнице Е.А. Танненберг. Он умер в 1864 г. Еще раньше, в 1855 г. умер Мицкевич, очевидно, самая сильная любовь в ее жизни. В 1882 г. она потеряла единственного сына Ипполита Николаевича. Каролина Павлова скончалась 2 декабря 1893 г. в городке Пильниц (по другим сведениям – Клостервиц), близ Дрездена, всеми брошенная и забытая, и была похоронена за счет местной общины. В “Новом времени”, “Русских ведомостях” и “Историческом вестнике” появились скудные некрологи. С тех пор за ней надолго закрепилась репутация “забытой поэтессы”.

В данной статье воссоздана картина взаимоотношений Павловой с ее современником. Для А.К. Толстого Павлова была соратницей, помощ-

ницей, вместе с тем в процессе их творческих контактов получил новый импульс и по-новому раскрылся ее переводческий талант. Таким образом, совокупность этих сюжетов дает ценный материал для правильного представления и о личности поэтессы, и о ее месте в литературной и общественной жизни своего времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. И.С. Аксаков в его письмах. Ч. 1. / И.С. Аксаков. – М., 1892. – Т. 3. – 514 с.
2. Павлова К.К. Полн. собр. стихотворений / К.К. Павлова. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. – 615 с.
3. Рапгоф Б. К. Павлова. Материалы для изучения жизни и творчества / Б. Рапгоф. – Петроград: Трирема, 1916. – 87 с.
4. Толстой А.К. Собр. соч. в 4 т. / А.К. Толстой. – М., 1964. – Т.4. – 584 с.
5. Sendich Munir. Twelve unpublished letters of Karolina Pavlova to Alexey Tolstoy / Sendich Munir // Russian Literature Triquarterly. – Ann Arbor, 1974. – № 9. – P. 541–558.

УДК 821.161.1 – 09

В.А. Резникова

В.Г. БАЗАНОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ТВОРЧЕСТВА ФЕДОРА ГЛИНКИ

Резникова В.А.

В. Г. БАЗАНОВ – ДОСЛІДНИК ТВОРЧОСТІ ФЕДОРА ГЛІНКИ

У статті досліджується монографія вченого “Карельські поеми Федора Глінки”, а також його стаття, присвячена повісті у віршах Ф.М. Глінки “Діва карельських лісів”, в яких автор проводить найбільш різносторонній і поглиблений аналіз творчості поета. Надалі вчений не раз повертався до цих творів у своїх статтях і книгах щось удосконалював, доповнював, але головне було сказано саме в цих роботах. Головним предметом вивчення протягом більшої частини життя видатного радянського вченого, літературознавця В.Г. Базанова, була творчість Ф.М. Глінки. Видання Глінки, підготовлені Базановим, і сукупність його робіт відтворили справжній образ поета, декабриста і вольнолюбця.

Ключові слова: літературознавець, творчість, видання, декабрист, монографія

Резникова В.А.

В.Г. БАЗАНОВ - ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ТВОРЧЕСТВА ФЕДОРА ГЛИНКИ

В статье исследуется монография ученого “Карельские поэмы Федора Глинки”, а также его статья, посвященная повести в стихах Ф.Н. Глинки “Дева карельских лесов”, в которой автор проводит наиболее разносторонний и углубленный анализ творчества поэта. В дальнейшем ученый не раз обращался к этим произведениям в своих статьях и книгах, что-то совершенствовал, дополнял, но главное было сказано именно в этих работах.

Главным предметом изучения на протяжении большей части жизни выдающегося советского ученого, литературоведа В.Г. Базанова, было творчество Ф.Н. Глинки. Издания Глинки, подготовленные Базановым, и совокупность его работ воссоздали подлинный образ поэта, декабриста и вольнодумца.

Ключевые слова: литературовед, творчество, издания, декабрист, монография

V.A. Reznikova

V.G. BAZANOV. - AS A RESEARCHER OF CREATIVITY FYODOR GLINKA

This article explores scientific monograph “Karelian poems of Fedor Glinka”, and an article for the poet’s story in verse “Virgo of Karelian forest”, in which the author analyzes the poetry by the most versatile and immersed way. Later the scientist was returning to these works in his articles and books not once, something improved, supplemented, but the main things has been said in these works.

The famous Soviet scientist and literary critic V.G. Bazanov dedicated the most part of his life for the study F.N. Glinka’s creation. Glinka’s publications, prepared by Bazanov, and summation of his works recreated an authentic image of free-thinking poet and Decabrist Glinka.

Keywords: literature, art, publishing, Decabrist, a monograph.

В 2011 году исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося советского литературоведа, члена-корреспондента АН СССР Василия Григорьевича Базанова (1911- 1981). Он внес большой и многообразный вклад в историю филологической науки и, в частности, в изучение декабристской литературы. Именно он подготовил для Большой серии “Библиотеки поэта” полные собрания стихотворений В.Ф. Раевского и К.Ф. Рылеева. Но главным предметом его исследовательской и энциклопедической деятельности на протяжении большей части жизни ученого был Федор Глинка. Сказать, что Базанов сделал для изучения Глинки больше, чем кто бы то ни было другой, – значит сказать лишь малую часть правды. За более чем два века, минувшие с появления его имени в печати, никто и не приблизился к нему по объему, глубине и результативности исканий. Его труды играют такую важную роль в изучении творчества Ф.Н. Глинки, что актуальность характеристики его работ не вызывает сомнений.

В 1945 году В.Г. Базанов выпустил в свет монографию “Карельские поэмы Федора Глинки” [1]. Она содержит разносторонний и углубленный анализ повести в стихах “Дева Карельских лесов” и поэмы “Карелия или заточение Марфы Иоанновны Романовой”. В дальнейшем ученый не раз возвращался к этим произведениям в своих статьях и книгах, что-то совершенствовал, дополнял, уточнял отдельные формулировки. Но главное было сказано именно в этой работе. Целью нашей статьи является характеристика структуры названной выше монографии, основных положений, которые значительно восполняют современную науку о Федоре Глинке.

В первой главе “Ссылка в Петрозаводск” Базанов обстоятельно, с опорой на архивные материалы, анализирует происходившее с поэтом после завершения следствия по его делу. 5 июля 1826 года, за неделю до того, как пять руководителей восстания декабристов были повешены на кронверке Петропавловской крепости, в министерство внутренних дел было направлено отношение, извещавшее, что “государь император высочайше повелеть соизволил коллежского советника Федора Глинку, оказавшегося по изысканию комиссии о злоумышленных обществах, принадлежавшим к

одному из сих обществ, употребить в гражданскую службу в Петрозаводск, где жить ему без выезда под бдительным тайным надзором полиции” [1, с. 6].

Глинка тяжело переживал дни беспросветной канцелярской службы. Базанов приводит отрывки из его писем, знакомящих с его переживаниями, с деталями его быта и его занятий. Свидетельствуют они о живом интересе поэта к краю, который стал местом его изгнания. Особенно интересно “Письмо из Петрозаводска к издателям “Северной пчелы””, из которого следует, что уже в первой половине 1829 года Глинка не только углубился в изучение Карелии, но и работал над поэмой о ней. В письме приводится большой отрывок, впоследствии полностью включенный в поэму “Карелия”. Затем Базанов переходит непосредственно к поэмам, являющимся собственно темой его книги. В главе “Незавершенная поэма о ссыльном” речь идет о “Деве Карельских лесов”. При жизни автора из нее были опубликованы лишь два отрывка, посланные Глинкой Пушкину для альманаха “Северные цветы на 1832 год”, изданного в память недавно скончавшегося Дельвига. Автограф поэмы, точнее той ее части, которая была написана, обнаружил в архиве именно Базанов, впервые она была опубликована им отдельным изданием в 1939 году [2].

В основу поэмы положен рассказ одного из петрозаводских старожилов об отшельнике, скрывавшемся от преследований закона в глухом олоонецком лесу. Но, как указывает Базанов, реальный сюжет о скитальцах, бежавших в лесную глушь, в поэме выражен крайне слабо. По его предположению, под “отшельником от общества” Глинка подразумевал беглого олоонецкого крестьянина, “все, что касается действительной фабулы, раскрытия реальной биографии лесного жителя, поэтом явно недосказывается, содержится в строгом секрете” [2, с. 23].

Особенно существенно то, что говорит Базанов о перекличках между поэмой Глинки и его лирикой: “Выбор сюжета об “изгнанниках” был продиктован судьбой самого Глинки. Эта поэма включает мотивы (тоска по родине, надежда на возможное возвращение в родные края и новую встречу с друзьями), вполне характерные для ли-

рической поэзии Глинки, для его элегий и романсов (“Вздых”, “Призыв”, “Трусь в тишине”, “К почтовому колокольчику”, “Глас” и др.), написанных в годы ссылки. В судьбе отшельников, в их переживаниях много общего с судьбой и переживаниями самого поэта” [2, с. 24-25].

Проявляя незаурядную проницательность и тонкость исследовательского зрения, Базанов устанавливает наличие в поэме второго, подразумеваемого сюжета некоего “нелегального” плана поэмы, который создается путем превращения лесного жителя в своеобразного философа, рассуждающего о превратностях века. В этих рассуждениях, говорит Базанов, “трудно не услышать голоса поэта-обличителя из “Соревнователя просвещения и благодарения”, переживающего скорбь за человечество, погрязшее в тине мелочных страстей” [2, с. 26]. Глинка как бы продолжает свои выступления на заседаниях “Вольного общества любителей российской словесности” с обличением социальной несправедливости, призывами покарать зло и превознести добродетель.

Исследователь устанавливает преемственную связь первой карельской поэмы с ранними элегиями Глинки с характерным для них противопоставлением бедности и роскоши, простых хижин и богатых дворцов, жизни духа и греховности быта. Эти размышления, отразившиеся в элегиях “Странствование амура”, “Три брата – искатели счастья”, “В чем счастье?”, в медитации “Внутреннее наслаждение и светская суета” со временем эволюционировали в более законченные формы критики светской морали и этики. Так, в стихотворении “К соловью в клетке”, поэт, преодолевая карамзинско-батюшковские традиции, обращается к виновникам неволи “соловья” как обличитель и гражданин.

Приведя и проанализировав обширную цитату из “Опытов аллегории в стихах и прозе” Глинки, где своеобразная критика “европейского человека” сочеталась с гуманистическим утверждением прав личности, Базанов приходит к обоснованному выводу: “Рассуждение Глинки о человеческом счастье нашло свое конкретное выражение в “Деве Карельских лесов”. Изучая народный быт, всматриваясь в нравы и обычаи северного крестьянства, Глинка воочию убедился, что Руссо был во многом прав, что “дети природы” выгодно отличаются от баловней светского общества” [2, с. 29]. Не случайно он видел в “женевском мудреце” своего учителя, страстного проповедника идей социальной справедливости и гуманизма. Он писал об этом уже в “Письмах русского офицера”, а спустя 12 лет, именно в годы работы над “Девой Карельских лесов” заметил в письме к В.В. Измайлову, что “Руссо в речи своей во многом прав”.

Объемная глава книги озаглавлена как

“Историческая тема в поэме “Карелия””. Прежде всего обращено внимание на необычность как содержания произведения, так и его структуры. Как считает автор исследования, “фактически в “Карелии” объединены три сюжета: исторический – о Марфе Ивановне Романовой, сосланной Борисом Годуновым в Толвуйский погост; религиозно-дидактический рассказ о скитаниях монаха-отшельника, история его переживаний и духовные речи; фольклорно-этнографический, состоящий из описаний карельской природы, мифологии и быта северных крестьян. Каждый из этих сюжетов имеет самостоятельный интерес, и существуют они аморфно, независимо друг от друга” [1, с. 43].

В обеих карельских поэмах Базанов видит развитие одного и того же творческого плана. Он усматривает существенные черты сходства в их поэтике: поэмы начинаются со свободных картин, изображающих суровую и величественную природу севера, им присуща фрагментарность картин и отрывочность композиции, организующим моментом которой является монолог героя, широко привлекается этнографический материал и своеобразный мир народных легенд и преданий.

Если в первой половине книги содержится характеристика карельских поэм Глинки по отдельности, то главы, составившие вторую ее половину (“Описательная тема и стиль “северных поэм””, “Работа над материалом”, “Фольклорные мотивы и образы”, “Переводы карело-финских рун”, “Цензурное гонение”), посвящены рассмотрению того общего, что характеризует оба произведения. Опираясь на такое рассмотрение, Базанов утверждает, что хотя Глинка был “отступником того высокого и напряженного строя”, мог усомниться в силе отдельной личности и ее протеста против существующего режима, он сберег такой важный мотив идеологии декабристов, как их патриотизм, “их жаркую любовь к России”: “местная тема оказалась столь привлекательной для автора поэмы “Карелия” потому, что она была для него живой частью великой и нескончаемой темы о родине” [1, с. 65]. Произведения, подобные “Карелии”, воспринимаются Базановым как своего рода ответ на призывы одного из теоретиков русского романтизма О.М. Сомова, который “возвел эту своего рода поэтическую географию родной страны в один из важнейших принципов романтической программы” [1, с. 66].

Интересны наблюдения исследователя над особенностями пейзажа в карельских поэмах: “... когда Глинка непосредственно отдается лирике природы, то тут является вся его застарелая стихийная любовь к цивилизации. Ему удается сплавить в одно природу и цивилизацию, дать их совместно нераздельный образ <...> Есть строки, в которых Глинка прямо-таки великолепен, где пейзаж у него истинно поэтическим способом вбира-

ет в себя человека и его труд, его промышленную деятельность...” [1, с. 68]. Глинка спускается в область низкую по обычным представлениям о поэтическом – в область обмена и рынка, трактует хозяйственную деятельность людей в духе поэзии. Природа, хозяйство, цивилизация образуют единство в его поэтическом сознании.

Из собственных высказываний Глинки мы знаем, что, оказавшись в Карелии, он вспоминал о Державине – своем предшественнике в воспевании этого сурового края. Осознанно или нет, но именно в карельских поэмах он испытал влияние Державина. Как утверждает Базанов, “у Глинки в поэме от Державина взят неровный поэтический слог, с дерзкими переборами и сбоями, от Державина преувеличенная звучность, насыщенность оптическими образами, дерзкие переходы, намеренная неотесанность, “дикость” выражения <...> Любовь к сложным, громоздким словам – чисто державинская <...> Вот стихи, где излюбленная Глинкой торжественная фонетика вступает в полное согласие с тем, что дает зрительный, мыслимый образ: пышные цвета осеннего пейзажа сливаются воедино с трубными звуками этих стихов, и звук и образы возвышаются до последней своей – державинской – красоты и интенсивности” [1, с. 72-75].

Следуя неуклонно проводимому в жизнь намерению рассматривать поэмы Глинки в сопоставительном анализе с аналогичными явлениями в творчестве его современников, Базанов утверждает, что и “южные” поэмы Пушкина, и “сибирская” поэма Рылеева “являлись для Глинки образцом художественного краеведения, примером поэтического и гражданского внимания петербургских поэтов к далеким и малоизвестным областям обширной России” [1, с. 82].

В главе “Работа над материалом” исследователь подтверждает выразительными примерами, что “Глинка стремился к максимальной выразительности и точности художественного рисунка. Карельская поэма может служить прекрасным примером вдумчивой и временами кропотливой работы поэта над материалом” [1, с. 82]. И это была работа не только поэта, но и ученого: “примечания к “Карелии” написаны рукой поэта-крае-

веда. Они содержат сведения по географии, ихтиологии, огородничеству, истории, лингвистике, фольклору, этнографии и т.д. и т.п.” [1, с. 87]. Писатель настолько увлекся изучением далекого края, что собирался написать подробное “Статистическое описание Олонецкой губернии”.

Еще неизвестный тогдашней науке как край былевой поэзии и народных сказаний, Олонецкий край “в лице ссыльного поэта из Петербурга нашел своего первого энтузиаста-фольклориста, обратившего пристальное внимание на замечательные россыпи народной поэзии”. Этой стороне деятельности Глинки и ее реализации в карельских поэмах Базанов посвятил главу “Фольклорные мотивы и образы”. В ней отмечается, что “фольклор Карелии несомненно оказал положительное влияние на поэзию Глинки. Заброшенный в “Исландию русского эпоса” ссыльный поэт без устали выслеживал фольклорные мотивы и образы и переносил их в свои поэмы” [1, с. 98].

Если “следы фольклорных влияний мы находим в “Деве Карельских лесов””, то “в поэме “Карелия” Глинка еще более усиливает фольклорную окраску сюжета и стиля <...> Следует сказать, что фольклорные образы и мотивы присутствуют в поэме “Карелия” не как орнамент, создающий внешнюю экзотику, а вполне органично входят в поэтический стиль, разрабатывая силы и свойства, присущие этому стилю. Народное слово составляет существо поэтического стиля Глинки, поэтому стиль этот так легко и естественно в дальнейшем срастается с любыми фольклорными заимствованиями” [1, с. 98-99].

Таким образом, в заключении можно отметить, что автор исследований обращает внимание не только на необычность содержания, но и его структуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базанов В.Г. Карельские поэмы Федора Глинки / В.Г. Базанов. – Петрозаводск: Гос. изд. Карело-Финской ССР, 1945. –128 с.
2. Глинка Ф.Н. Дева Карельских лесов. Повесть в стихах / Ф.Н. Глинка [Ред. и статья В.Г. Базанова]. – Петрозаводск: Каргосиздат, 1939. – 114 с.

УДК 821.161.1-2 Сургучёв.09

В.А. Борбунюк

ЧЕХОВСКИЕ МОТИВЫ “ОСЕННИХ СКРИПОК” И. СУРГУЧЁВА

Борбунюк В.О.

ЧЕХОВСЬКІ МОТИВИ “ОСІННІХ СКРИПОК” І СУРГУЧОВА

У роботі розглядається питання про вплив А. Чехова на художню творчість І. Сургучова, одного з визначних представників російської еміграції “першої хвилі”. Автором виявляється